

МАКС
БУЖАНСКИЙ

ИСТОРИЯ
ДЛЯ
ЛЕНИВЫХ

FOUR

Максим Аркадиевич Бужанский

История для ленивых

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34753231*

*История для ленивых: Фолио; Харьков;
ISBN 978-966-03-8180-3*

Аннотация

«История для ленивых» Макса Бужанского – продолжение его книги «История мира в 88 главах», вышедшей в минувшем году в издательстве «Фолио». Эти мини-эссе – изложение истории различных эпох известным блогером в его самобытной манере, с присущими ему чувством юмора, легким слогом и оригинальной подачей. Увлекательное, приятное чтение и одновременно – просветительский материал, однако абсолютно лишенный менторства и излишней зауми. Читателя ждет знакомство с неизвестными фактами знаменитых событий, которые представлены автором, быть может, субъективно, но, безусловно, аргументированно. И здесь же посты из Facebook, приуроченные к дате события или рождения личности. Только теперь они объединены в книгу. И эта «История для ленивых» – самое свежее и полное на сегодняшний день собрание увлекательных «исторических зарисовок от Бужанского».

Содержание

Величие древнего мира	5
Глава 1. Александр Македонский	5
Глава 2. Сулла	16
Глава 3. Гай Юлий Цезарь	33
Глава 4. Спартак	40
Глава 5. Марк Лициний Красс	57
Глава 6. Марк Антоний	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Макс Бужанский

История для ленивых

© М. А. Бужанский, 2018

© Издательство «Фолио», 2007

* * *

*Посвящаю эту книгу Александру Коваленко и
Роману Бужанскому, другу и сыну*

Величие древнего мира

Глава 1. Александр Македонский

*Дорогому Александру Македонскому в связи с
днем народження и в память о его замечательных
рогах, которые ему обломали где-то в степях
неподалеку.*

Это было так обидно!!

Он просто не мог поверить.

Он вообще не мог поверить, что в этом мире что-то способно обидеть ЕГО!

Это было невозможно!

И было.

Эхо смеялось.

Смеялось, издевательски хохотало, прыгало давшим Пто-
лею фамилию зайцем по мраморным стенам.

Это не эхо.

Это боги смеются.

Оба.

И Зевс, и Аммон.

Отцы, которых он сам себе выбрал, с которыми сравнился,
смеются, хохочут, глядя, как он не в силах вытереть пот.

Пот.

Липкий, капли бегут со лба, катятся с груди, падают и тонут в шелке простыней.

Какой он разный.

Пот попоек.

Пот охоты, борьбы, драк с друзьями.

Пот сражения, засыхающий с потеками крови.

И пот смерти.

Он умирает.

Как все.

Обидно.

Отец был прав.

Грубый мужлан, Филипп, был прав.

И он всегда это знал.

Всегда знал и всю жизнь рвался за край земли, чтобы доказать, что нет.

И они все это знали.

Нет, не его молодежь, эти такие же.

Старики знали.

Антигон, Парменион, Антипатр.

Знали и смеялись над ним, хохотали, глядя как он играет в сына Бога.

Они знали, чей он сын.

Но если бы он их слушал, они бы и сейчас считали коз в Македонии и держали греков на поводке.

А теперь считают царства и на поводке весь мир.

Детство.

Безумная мать, сумасшедшая волчица, он всегда знал, что она безумна.

Он был ее оружием.

Оружием против отца.

Филипп Македонский, царь, должен был терпеть наследника.

Цари не терпят.

Филипп не терпел.

Друзья.

Больше у него ничего не было.

Его друзья.

Птолемей, Неарх, Гепестион.

Они были с ним, и он им пообещал.

Пообещал дать все и разве мало дал?

Это их голоса за дверью, звенят мечи, они делят Его мир.

По лицу пробегает судорога.

Судорога.

И это все, на что Он способен??!

Он, Александр, Повелитель Ойкумены, царь Македонии, протектор Эллады, Царь царей, фараон, Бог!!!

Корчить рожи?!

Обидно.

Память пронесит перед глазами всю жизнь.

Они играют.

Обычные мальчишки, борются на утоптанной земле, и ве-

тераны отца одобрительно хмыкают, глядя, как они рвут друг у друга победу.

Вранье, что участие главное.

Главное – победа.

Македонцы побеждают всегда, но кто победит, если все македонцы?

Сын царя?

Эээ, нет.

Это Филипп – Царь, а сын – это всего лишь сын.

Войско решает, кому править, и ему еще предстоит решать.

Зал.

Нет, не персидский, ставший уже привычным.

Дома, македонский.

Содрали у греков, пригласили и оплатили, дикари с гор прикидываются, будто не могут пить, как прежде, свалившись с лавки.

Отец, пьяный сильнее, чем обычно.

Новая жена, родственники жены.

Мать, ненавидящей тенью мелькнувшая между колонн.

Отец ревет, что-то приказывает ему, тянет руку.

Падает, пьяный, с грохотом опрокидывает ложе.

Он презрительно улыбается, смотрит на лежащего Царя.

Ты хочешь покорить мир, но не можешь стоять на ногах.

«Убью!» – ревет Филлип.

Он выходит, рывком запахнув плащ, кони мчат в стылую

македонскую ночь, гремят копыта, ноги сжимают лошади-
ные бока.

Прочь!!!

Он ненавидит отца.

Отец ненавидит его.

Мать ненавидит всех.

Все ненавидят мать.

Примирились.

Праздник.

Белые хитоны, золотые обручи в волосах.

Рослый мужчина оказывается рядом с царем и бьет мечом
в грудь.

Догнать!!!

Ревет толпа, гетайры бегут за ним, сбивают, валят в пыль.

«Взять живым», – кричит он и первым вонзает меч.

Мечи, мечи.

«Александр мог взять живым убийцу отца, но не взял», –
шепчутся ветераны.

Мать смотрит бездонными черными глазами, и ненависть
плещется на дне.

Фивы.

Восстали, решили, что почувствовали слабинку.

Смерть.

Смерть хороший выход, фиванцы.

Кто не умрет, того забьют в рабские колодки.

Щелкнул кнуты, и греки будут смотреть, как греков, будто

скот, гонят на рынки.

Пали стены Фив, пали дома, пали Фивы, и города больше нет.

Урок Элладе, и она запомнит его навсегда.

Азия.

Как они смеялись, скалились, глядя на берег.

Там слава, там деньги, нет ведь денег, и фаланга жрет их, как огонь трухлявое бревно.

Персы.

Бесконечный строй, пестрый и дикий, все языки мира.

Лес копий, фаланга печатает шаг, бьют песок сандалии, и рвутся с фланга фессалийцы Леонтиста.

Парменион ворчит, он бы сделал не так.

Он – Александр, не Парменион, он сделает по-своему.

Азия падает в руки.

Фаланга пьет, звенит бронза доспехов, визжат рабыни, и хохот тонет в ночи.

Гавгамелы.

Безумный рывок к колеснице Дария!

Бешеные глаза навываде, пена на губах, конь в пене.

Рассеченное плечо, капли крови рассыпаются в прах на ветру, бешеная скачка.

Грохот копыт за спиной, гетайры гонят коней вслед.

Рев фаланги сзади, отчаянные трубы зажатого в тиски, гибнущего Пармениона.

Стена копий впереди.

Пятки лупят конские бока, колени сжимают, Он – Бог Войны, и сам Арес ведет его руку!!!

Дарий!!!

Из-за спины вылетает дротик, возница Дария с хрипом грузно валится вперед, перекидывается через поручни.

Дарий хватает поводья, огромные маслянистые глаза полны ужаса, расшитый халат серый от пыли и мокрый от пота.

Царь царей отказывается от титула прямо здесь, прямо сейчас!

В ту секунду, когда перехватывает поводья и разворачивает коней.

Дарий мчит, спасая жизнь, они вламываются в строй, Бессмертные дорого продают свое бессмертие.

Ладонь на плече.

Бешеный взгляд, рука метнулась к горлу!

«Отец! – хрипит полузадушенный Филота. – Отец!! Парменион погибает!»

Александр воет!

Воет волком отчаяния, разворачивая коня.

Воет волком, он никогда не простит этого ни Пармениону, ни Филоте!

Гетайры мчат, обрушиваются на персидскую пехоту, рвущую в клочья фланг Пармениона!

Взлетают мечи....

Дарий давно мертв.

Жалкая смерть, жалкий конец.

Он давно Царь.

Царь царей, фараон, повелитель Азии, Египта, Македонии, протектор Греции.

Пустота.

Такая пустота вокруг.

Что-то случилось, произошло, рухнуло, сломалось.

Сломалось между ним и его македонцами.

Умерло там, на поле Гавгамел, сломалось вместе с персидской пехотой.

Они вошли на это поле вместе, а вышли порознь.

Сломались все.

Казнены Парменион и Филота.

Филота поучаствовал в заговоре пажей.

А Парменион ответил за сына.

Ну, кто бы мог подумать, что вот так, тогда, в Македонии, а?

Казнен Каллисфен, философ остался философом, даже шагнув в ров со львами.

В пьяной пирушке убит Черный Клит.

Ну, как убит...

Он сам его убил, метнул копье и пригвоздил, как бабочку к стене.

«Какой ты Бог??!!» – ревел ему пьяный Клит.

Он убил бы его за это, даже если б был трезв.

Проскинеза.

Земной поклон с целованием ног.

Персы кланялись и целовали, что тут такого.

Македонцы хохотали.

Хохотали так зло и обидно искренне, что у него брызнули слезы гнева из глаз!

Он приказал, он кричал, взорвавшись, вскочив с трона!

И они впервые посмотрели на него с ненавистью и презрением.

Он распустил фалангу.

Фаланга ушла домой, в Македонию, к Антипатру.

Ветераны маршировали по растоптанной Азии, шли домой, и он с ненавистью и презрением смотрел им вслед.

Они плюнули на его Мечту!

Им не нужен был ни Мир, ни его Край.

Лишь барахло из разграбленных и сожженных по пьяни дворцов персидских царей, которое они волокли на себе, привычно шагая в ногу.

Так, что сотрясалась земля.

Что ж, он пошел дальше без них.

С другими македонцами, с гетайрами, с персами и иранцами, которых выучили кое-как держать строй, выдали копья и назвали фалангой.

Они пришли в Индию, и Пор был разбит!

Слоны ревели, и стрелы били, как град!

Он был ранен, и Птолемей закрыл его собой, добавив к имени титул Сотер, Спаситель.

Потом Селевк повел в атаку пехоту, и Пор склонился.

А потом пошел дождь.

На месяц.

И войско потребовало повернуть домой.

Он думал, что ослышался!!!

Он – Бог!!!

Он заперся в палатке и сидел там недели, ожидая, что они склонят колени и пойдут с ним до конца, до Края, рукой же подать!!

Они прислали представителей.

Войсковое собрание (он презрительно скривился, когда услышал это название времен пастушечьего детства) постановило: армия уходит домой.

«Ты с нами, Царь?..»

Он ушел с ними.

Они ушли и вернулись в Вавилон, и вот он лежит и не в силах вытереть этот треклятый пот.

Ресницы дрожали от навернувшихся на глаза бессильных слез...

Бронзовые двери дрогнули.

Дрогнули, и створки со скрипом пошли в стороны.

Тяжелые створки, тяжелей просто нет во всем мире.

Они шагнули вперед, пять шагов в зал и замерли.

Безмолвные лица, сжатые губы.

Пердикка, Кратер, Птолемей, Селевк, Лисимах, Кассандр, Эвмен, Антигон.

Они уже всё решили.

Всё разделили.

Он прочел свою судьбу на их лицах, на бронзовых бесстрастных лицах, и глаза в последний раз полыхнули гневом.

«Как смеете?» – вырвалось из груди, но потрескавшиеся губы даже не шевельнулись.

«Что есть смерть, Учитель?»

Они сидят на камнях, палит солнце, оливы склонили ветви, роняя тень.

Он, Гефестион, Птолемей.

Аристотель смотрит на них, белый хитон обнажает старческие руки, узловатые пальцы обхватили посох.

Аристотель серьезен, но глаза смеются, они всегда у него смеются, о чем бы ни шла речь.

«Смерть? Смерть – это Ничего. И одновременно Всё. Всё и Ничего вместе. Понимаете?»

Они машут головами: нет!

«Когда-нибудь поймете...» – смеется глазами Аристотель.

Он откидывает голову.

На самом деле лишь чуть дрогнули веки.

И улыбается.

Закрывает глаза, глядя на Всё и Ничего.

Диадокси улыбаются.

И делают шаг вперед.

Всем строем, как договорились.

Глава 2. Сулла

Одинокая фигура, ссутуленные плечи, будто и в этом нарочитый вызов знаменитой римской осанке.

Небрежно наброшенная тога, пошлейший рыжий парик, дешевейший, какие только мимы на представлениях для плебса напяливают.

Заложенные за спину руки, отвратительная беззубая улыбка.

Каждый день.

Каждый день он выходил на Форум и брел вмиг пустеющими улицами в пугающем одиночестве.

Он издевался и унижал их всех, весь Город, весь известный Мир.

Они это знали, и он знал, что они это знают.

Он брел, небрежно шаркая и скалясь беззубым ртом, и где-то вдалеке, за его спиной, осторожно выглядывая из-за мраморных колонн Форума, шептались люди и показывали на него пальцем.

Однажды за ним уцепился мальчишка.

Смешной пацан, обычная римская нищая босота, он вприпрыжку бежал за ним всю дорогу домой, осыпая оскорблениями.

Бывший Диктатор был счастлив.

Это еще больше подчеркивало унижение, которое он каж-

дый день швырял в лицо Сенату и римскому народу, возил им по этому лицу, словно грязной тряпкой.

Вон нищий мальчишка может себе позволить. А вы – нет. Каждый день.

Белая фигура, отвратительный рыжий парик, шаркающая походка.

Каждый день.

Он был счастлив.

Его так и звали, Феликс.

Счастливый.

Знайте, что счастлив лишь тот, кто рожден свободным.

Свободным от колодки раба, от плетей надсмотрщика и цепей на ночь.

Счастлив лишь тот, кто рожден римским Гражданином, жителем Великого Города.

Но чтобы понять, что такое счастье, нужно родиться в самой знаменитой семье.

Корнелиев.

И вот тут уже, казалось бы, самое грандиозное счастье на свете закончилось.

Корнелии были разными.

Луций Корнелий Сулла умудрился родиться в семье нищих Корнелиев.

Настолько нищих, что дома своего не было.

В 138 году до н. э.

Отец пил.

Мать умерла практически сразу же после родов, и Сулла таскался вслед за отцом по домам любовниц родителя, мутным компаниям актрис, проституток, отребья, которое приличное римское общество и на порог-то не пускало.

Он полюбил эти компании, и римские аристократы, чье детство прошло с греческими учителями и на Марсовом Поле, воротили нос, с презрением об этом говоря.

Позже он свернет им башку.

Вместе с носом.

Денег не было.

Пара рабов, таких дряхлых, что не понять, кто за кем ухаживать должен.

Сверстники начинали карьеру, облачаясь в тоги взрослых, Сулла на выклянченные где-то копейки проводил церемонию погребения отца, умершего наконец-то и освободившего ему дорогу.

Пара странных связей, пара странных смертей, пара полученных наследств.

Хоть что-то, и хоть с чего-то можно начинать.

Позже остальных, позже, чем принято.

Огненно-рыжая шевелюра, ярко-синие глаза, белоснежная кожа.

Бычья шея, и нрав Минотавра.

Сулла начал карьеру так, как положено патрицию.

Война.

Югуртинская война.

Римлян били.

Римлян нещадно били в Нумидии, и Югурта откровенно издевался над Великим Городом, гоняя его армии по бесплодной пустыне.

Югурта знал римлян, Югурта бывал в Риме, Югурта воевал с римлянами вместе.

С Югуртой нужно было заканчивать.

Командование вытребовал себе Марий.

Гай Марий, отец легионов.

Марий был женат на Юлии, из семьи Цезарей.

И Сулла был женат на Юлии, из семьи Цезарей.

На этом сходство заканчивалось, но Сулла отправился с Марием в Африку, на свою первую войну.

Нумидия.

Ад.

Жара, бесконечный песок, вылетающая из ниоткуда кавалерия, и своя она или чужая, поймешь лишь тогда, когда слезают с коней закутанные в бурнусы всадники, или лошади гонят бешеным кругом и бесконечным дождем сыпятся дробинки.

Быстрой победы не вышло.

Год, еще год.

Югурту дожимали, как загнанную в угол крысу.

И наконец его сдал тесть.

Бокх, царь Бокх.

Югурта был осторожен.

Никому не доверять, никогда не ночевать дважды в одном и том же месте.

Простая еда, чистая вода, что еще можно сделать, чтобы продлить себе жизнь?

Но тесть, тесть...

Что-то плеснулось в глазах Бокха, Югурта все понял, рука метнулась к кинжалу.

Возникший из ниоткуда центурион тяжело ударил кулаком в висок, Югурта мешком рухнул на землю, легионеры добили охрану.

Ночь, свет факелов, Сулла возникает из темноты, грубо откидывает за волосы голову Югурты, поворачивает к свету, смотрит в лицо.

«А ведь ты мог бы сдать ему меня, и все было бы наоборот!» – бросает он Бокху, и тот бледнеет.

Не час и не два Бокх думал, кого предать, римлян или Югурту, и Сулла читает на его лице, как в открытой книге.

Война закончена!

Марий командовал войсками, но Рим шепчется, что выиграл ее Сулла.

На стенах домов рисуют знаменитую сцену.

Ночь, оазис в пустыне, палатка, факелы.

Югурта на коленях, и держащий его за волосы Сулла.

Марий был в бешенстве, ревность душила его, словно выброшенная на шею удавка.

Германия.

Римляне разбиты, уничтожены при Аравсионе, и Республика еще не знала такой катастрофы.

Марий консул, Марий будет консулом семь раз, так ему предсказали, и римский закон каждый раз прогибается под бешеного старика.

Сулла легат.

Уже не нищий мальчишка, но римлянин, вошедший в возраст и силу.

Две римские армии остановят германцев, потратив на это несколько лет, и Сулла будет тем, кто фактически командует второй.

Верцеллы.

Туман висел над полем, дальше третьей шеренги в глубину не видать.

Германцы сломались, и легионеры рубили их, словно частвокол в лесу.

За своих мертвых, за свой страх, за возвращение в Рим.

Сулла стоял во второй шеренге и улыбался.

Капли крови брызгами летели в бледное лицо, усеивая его красными веснушками, панцирь в крови, плащ в крови.

Сулла улыбался, и эта его улыбка пугала больше, чем рев озверевшей римской пехоты.

Снова Рим.

Карьера, претура, наместничество в Киликии.

Армянские войска Тиграна, Армения была Великой, кто б сомневался, глядя сейчас на ее блестящих сыновей.

Ущелье, построивший черепаху легион, армянские стрелы, со звоном бьющие в щиты.

Короткий шаг вперед, щиты снова сомкнулись, «черепаха» не стоит, она идет вперед, медленно отнимая у армян пространство.

Свисток, железная коробка распахнулась, пехота давит, армяне катятся назад, теряя людей.

Сулла улыбается, поверх шлема наброшен белый платок. Он всегда плохо переносил солнце, им тесно вместе.

Парфяне!

Впервые парфяне, и Сулла – первый римлянин, который завяжет контакт с этой второй половиной известного мира.

Война будет идти 700 лет, Запад и Восток будут выплескивать друг на друга новые и новые армии, и древние кости будут хрустеть под колесами бесконечных переселенцев, ищущих спасение от огня и меча.

Союзническая война.

Вся жизнь Суллы – это сплошная война, и он победил всех, хотя о нем и не рассказывают в военных академиях.

Италия взорвалась.

Самниты, марсы, луканы, пицены, представители бесконечных итальянских племен пошли на Рим войной.

Союзники.

Не было ничего унижительней жить, как римляне, воевать, как римляне в легионах.

И не иметь никаких прав.

Армии Республики терпели поражения, все висело на волоске.

Враг был со всех сторон, помощи ждать было неоткуда.
Первую победу одержал Сулла.

Пощады не давать.

На него смотрели с изумлением и ужасом.

Его не интересовали рабы.

Он не слушал угроз и клятв.

Покорность, полная покорность.

Иначе смерть.

Венец из трав.

Один из трех обладателей, Сулла вернулся в Рим героем.

Уже не одним из, а Героем, чье имя повторяли в толпе.

Многие пытались купить это деньгами.

Сулла купил кровью.

Консул.

Нищий сын нищего отца – Консул Римской Республики.

И да, победив в войне, Рим таки дал гражданство ита-
кам.

Римляне учились на ошибках.

Войска Суллы, которыми он командовал в Союзнической
войне, осаждали Нолу, последний оплот мятежников.

Был брошен жребий, и Сулла вытянул счастливый.

Как всегда.

Ему досталась Азия, война с Митридатом, который резал
римлян, словно овец на бойне, десятками тысяч.

Сулла заканчивал год и улыбался, думая о предстоящей славе.

Ничто не предвещало беды.

Демократия – такая хитрая штука, которая любит прикидываться идиоткой, когда все всё понимают.

Вроде и дергаешь рычаги по закону, но передергиваешь.

Передернули.

Гай Марий, отец легионов, был злобным и завистливым стариком.

И он решил украсть у Суллы его войну.

Купленный народный трибун.

Новый жребий.

И вот уже не Сулла, но Марий, хозяин легионов, которые пойдут вышибить дух из старины Митридата.

Вот тут произошло то, что изменило историю.

Навсегда, необратимо изменило, пустив ее по новому, губительному пути.

Сулла гнал коня так, что-тот рухнул, когда они влетели в лагерь.

Построенные войска, свирепые морды центурионов, значки когорт.

И бычий рев Суллы, разорванная белая тога на груди, такая нелепая среди красных военных плащей.

«Они хотят послать других солдат и украсть нашу победу и добычу!» – ревел Сулла, и легионы взорвались, моментально поверив в эту ложь.

Присланных Марием офицеров забили камнями.

Армия развернулась и двинулась вслед за своим командиром.

Нет, не командиром уже.

Хозяином.

На Рим.

Первым!

Ровно за сорок лет до Цезаря Сулла первым повел войска на Рим.

Чтобы отучить политиканов от привычки передергивать.

Все прочие цезари и бонапарты были лишь подражателями, первым это сделал Луций Корнелий Сулла.

Шесть легионов, сорок тысяч солдат.

Единственным офицером, который пошел за Суллой, оказался Лукулл.

Да-да, тот Лукулл, который потом, пиры и сады.

Жестокий и талантливый военный, ничем не напоминающий того сибарита, каким его запомнила История.

Город рухнул в руки, словно яблоко с ветки, Марий бежал вместе с сыном, прятался в болоте, плыл на подаренной рыбаком лодке в Африку.

Круговерть гражданских войн завертелась.

Реформы Суллы, перетасовка Сената, ему нужно было вести людей на Митридата.

А он вынужден был торчать в Риме.

Выборы, назначения, клятвы сенаторов.

Потеряв два года, Сулла отправился на войну.

Но уже не в Азию, в Грецию, где Митридат командовал, как у себя дома.

Афины.

Рощи, в которых бродили Герои и боги, вырублены.

Осадные машины бьют в белоснежные стены, римская пехота идет на штурм, устремляясь в пролом.

Нет, Сулла не уничтожит Афины.

Он их просто разграбит, вытряхнет до донышка все, от храмов до библиотек.

Он будет улыбаться, глядя, как греки будут обливаться слезами, думая, что с ним можно торговаться.

Херонея, Орхомен, войска Митридата в Греции разбиты, и она снова римская.

Сулла высаживается в Азии, нужно взять самого Митридата и закончить эту войну.

Но Рим взят.

Марий вернулся.

Вернулся абсолютно безумным.

Во главе армии.

Создатель римских легионов вернулся во главе армии рабов.

Рим взят.

Людей убивают на улицах, сулланцев и просто тех, кого хочется убить.

Привязанных к колоннам патрициев заставляют смотреть,

как-то толпа насилует их жен, рабы безумны в своей ненависти и дикости.

Их всех перебьют по приказу Мария, они больше не нужны ему.

Марий, безумный старик Марий, станет консулом в седьмой раз, как было предсказано.

И умрет спустя несколько дней.

Рим рухнул в руки временщиков, сменявших друг друга на обломках демократических норм.

Митридат был счастлив.

Сулла заключил мир, ему нужно было спешить домой.

И Понтийский царь убрался в свое логово, копить силы для следующей, последней попытки.

Войска высадились в Италии.

Все, кроме одного легиона, солдат Фимбрии.

Они убили своего командира, взбунтовались, и их наказанием стала вечная ссылка.

Никогда, никогда больше легионеры Фимбрии, тоже уже давно мертвого, не вернутся в Рим.

Это их проклятие – Азия навсегда. И их имя, служба без срока, стали нарицательны в Риме.

К Сулле спешат.

Армии врагов, захвативших власть в Риме.

Мальчишка Помпей, на свои деньги набравший два легиона ветеранов отца.

Молодой еще Красс, никогда не простивший убийц своих

отца и брата.

Катилина.

У этого еще все живы, и он хотел бы, чтобы некоторые умерли.

Войска Суллы идут на Рим, враг разбит раз за разом, последняя битва у самых ворот.

Битва у Коллинских ворот, войска самнитов, последние отголоски Союзнической войны, успели к Риму раньше.

Сулла настиг их у самых ворот Города.

Битва насмерть.

Самниты побеждают, бой идет ночью, свои похожи на чужих, такие же доспехи, такие же мечи, такие же лица.

Сулла улыбается, неизвестная болезнь обезобразила его лицо, некогда гладкая кожа в жутких струпьях, зубы выпали, и этот чудовищный оскал в свете факелов пугает даже видавших виды.

Конница валит от ворот, взламывает самнитский фланг, враг разбит и бросает оружие.

Бежать некуда.

Плотные колонны пленных ведут на Марсово Поле.

Луна освещает бесконечные ряды солдат без оружия, построенных, будто для парада.

Сулла смеется, машет рукой, и самнитов начинают убивать.

Сулле не нужны пленные, не нужны правила, не нужны традиции.

Ему нужна покорность, и он преподаст урок.

Рим захлебнулся в крови.

Она идет у него горлом, он тонет в ней, барахтается в ужасе.

Проскрипции.

Их тоже придумал Сулла.

Город увешан объявлениями.

«Найти и убить. Доносчику – доля».

Катилина во главе банды рыщет волком и убивает тех, кому должен.

Красс давно отомстил за своих и грабит так, что Сулла с презрением кривится.

Помпея не интересуют деньги.

Помпей завоевывает Африку.

Помпей пишет Сулле бесконечные письма, рассказывая про удивительных африканских животных.

Сулла смеется.

Жуткий и уродливый, в отвратительном парике, беззубый, мучаемый чесоткой, Сулла смеется.

Ему смешно, он был в Африке и всех там видел, но ему смешно смотреть, как амбиции пожирают Помпея.

Ему смешно, когда Помпей откажется распустить армию, смешно, когда-то расскажет ему, что люди поклоняются восходящему солнцу охотней, чем заходящему.

Ему смешно, когда слоны Помпея застрянут в арке во время Триумфа.

Он назовет Помпея Великим, и Помпей всю жизнь будет гнать от себя мысль, что это тоже была насмешка.

82 год до Рождества Христова.

Сулла – Диктатор.

Сенат наполнен его людьми, всадники урезаны в правах так, что и представить себе не могли.

Никаких больше народных трибунов, хватит.

Сулла видел, как заводят толпу, Сулла ненавидит толпу, Сулла не играет с толпой.

Диктатура!!!

Цезарь, мальчишка совсем, бежит из Рима.

Его ловят, мать падает на колени перед Суллой, за него просят друзья.

«Как хотите!» – жуткий оскал становится еще шире.

Как хотите.

Но в этом Цезаре сидит сотня Мариев.

Три года диктатуры.

Свободный Рим, город законов и неписанных правил, покорно жил, склонившись и повинаясь.

А потом, в один прекрасный день, Луций Корнелий Сулла пришел в Сенат.

И швырнул римлянам в лицо их свободу, словно мокрую тряпку.

«Я больше не Диктатор, частное лицо! – заявил он потрясенным сенаторам. –

И готов предоставить отчет обо всех своих действиях!» –

Сулла издевательски ощерился.

Зал молчал.

«Вопросов не будет?!» – Сулла захихикал, не захохотал, но захихикал себе под нос и двинулся к двери.

Ударом в плечо отпихнул машинально дернувшегося за ним ликтора и вышел на ступени Сената.

Частным лицом.

Постоял, обшарил издевательски взглядом застывшую улицу и пошел домой.

Пить с актерами, закатывать оргии и умирать от болезни.

Но каждый день.

Каждый день одинокая фигура выходит на Форум.

Издевается.

Он умер в следующем году.

Просто взял от жизни все, что хотел, использовал ее на всю катушку и ушел, оставив Рим жить так, как-тому хочется.

Вновь поднялся Митридат, шла война в Испании с марианцем Серториєм, взбунтовался Спартак.

Сулле было все равно.

Он знал, знал, что будет сразу, после его смерти.

И криво ухмылялся, в последний раз закрывая глаза.

Спор, как его хоронить, едва не привел к резне.

Противники хотели отыграться на мертвом.

Но победили сторонники.

Государственные похороны, трехдневный траур по всей

Италии.

Ветераны, идущие в Рим бесконечным потоком на погребение.

Огромный костер, бушующее пламя, исчезающая в огне фигура в белой тоге.

В последний раз мелькнувшая перед тем, как навсегда исчезнуть, ухмылка.

Он швырнул им обратно их власть, чтобы их унижить.

И знал, что они знают, что он знает.

«Не было друга лучше.

Не было врага злее».

Надпись на надгробии.

Весь Сулла.

В двух строчках.

Глава 3. Гай Юлий Цезарь

12 июля 95 года до н. э.

Рим, Субурра, плебейский район.

В тени многоэтажного здания играют трое малышей.

Светловолосый мальчуган, светлые волосы и серые глаза.

У него сегодня день рождения, 5 лет.

Его мать, хозяйка этого здания, они живут в нем и сдают квартиры, в основном евреям, чьи дети возятся вместе с ним, складывая из камешков пирамиды.

10 лет спустя.

Мальчик вырос.

Он дальний родственник Мария и дальний родственник Суллы через их жен, своих теток.

Марий делает его жрецом, Фламином Юпитера, он никогда больше не прикоснется к железу, не возьмет в руки оружие.

Его женят на дочери Цинны, и он любит ее...

Цинна мертв, и Марий повержен.

Мальчишку волокут к Сулле.

Он больше не Фламин Юпитера и должен развестись с женой.

Серые глаза холодно смотрят в глаза Диктатора.

– Нет.

– Неет????!!

– Нет.

Бегство.

За голову назначена награда, охотники рыщут по всей Италии, он прячется в пещере.

Нашли.

Мать, Аврелия, падает на колени перед Суллой.

За него просят и другие.

«Ладно, – сдается Диктатор. –

Пусть живет.

Но предупреждаю вас, – вспыхивают когда-то голубые, а сейчас потухшие глаза. – В этом юноше спит сотня Мариев...»

Изгнание.

Армия, Восток.

Осада Митилены.

Когорта разбита, щит вперед, короткий меч покидает ножны.

Он выводит ее и перед строем увенчан венком из дубовых листьев.

За спасение римских солдат на поле боя.

Когда он заходит в Сенат, все должны вставать, по законам Суллы.

Вифиния, царь Никомед.

Он взял у него корабли.

Они подружились.

Он мог расположить к себе кого угодно.

Враги до смерти будут делать гнусные намеки на эту связь,
и он никогда не простит этого никому.

Путь домой.

Пираты, плен.

«Я заплачу выкуп, а потом распну вас всех», — лениво
обещает он им, щурясь на убегающую за горизонт морскую
гладь.

Пираты хохочут.

Этот римлянин, смешной малый.

Выкуп.

Корабли.

Он распял их.

Как обещал.

Рим.

Ступени карьеры.

Одна за другой, каждая.

Нет более тщательного, чем он, нет более скрупулезного.

Его ненавидят в Сенате.

За прическу, волосок к волоску, за щегольски закатанные
манжеты, за надменность, которую не скрыть улыбкой.

И за любовь толпы.

Дикие долги.

Игры в честь отца.

Двести пар гладиаторов бьются в серебряных доспехах, и
весь цирк скандирует его имя.

Квесторство в Испании.

Он удрал через забор, кредиторы караулили его снаружи.

Красс заплатил долги.

Красс всегда платит долги.

И всегда долги получает.

Рим.

Выборы.

Сенат уготовил ловушку.

Или Триумф и не выставить кандидатуру, или Консульство, но без Триумфа, распустить войска.

Кто откажется от Триумфа.

Он откажется.

Войска распущены, он Консул.

Выборы.

Выборы Верховного Жреца, Великого Понтифика.

Мать, Аврелия, провожает на пороге.

«Я вернусь Понтификом или не вернусь вообще», – весело бросает он.

Долги.

Его выбирают.

Сервилия, мать Брута.

Их связь длится годами.

Об этом знают все.

Это Рим, все знают всё.

Про всех.

Первый триумвират.

Он заставил примириться Помпея и Красса, связал их

своей порукой.

Галлия.

Галлия на десять лет.

Еще ни один римлянин до него не покидал Город так надолго добровольно.

Еще ни один римлянин до него не получал провинцию на десять лет.

Галлия покорена.

Высадка в Британии.

Это не легенда, она есть!!!

Удастся унести ноги, тоже неплохо.

Галлия в огне!

Верцингеторик поднял галлов, племена одно за другим сбрасывают ненавистное ярмо.

Поражение под Герговией.

Осада Аллезии.

Вся Галлия пришла на помощь, и он сломал ее.

Мир.

Верцингеторик в цепях.

Восстал Укселодунум.

Он холоден, он всегда холоден и расчетлив.

Тридцать тысяч галлов уйдут домой по всей стране, унося привязанные к шеям отрубленные руки.

Больше уроки не нужны, Галлия все поняла.

Сенат.

Он лишен постов и объявлен врагом народа.

Грязный, потный, окровавленный Антоний перед строем.

Вперед!

Рубикон.

Фарсал.

Египет, Клеопатра.

Сказочная страна, зажатая в кулак.

Тапс, Мунда, всё.

Великие враги ушли.

Катон, Помпей, Сципион...

Цицерон и Брут на коленях, он всех простил, вставай, Кассий, поднимайся, Каска.

Поход на Парфию.

Нужно вернуть домой Орлов Красса.

Последний день.

Последнее заседание Сената.

Мартовские иды.

Белоснежные тоги.

Кинжалы.

Серые глаза вспыхивают в последний раз.

Гневом.

И подергиваются поволокой безразличия.

Мертвая рука разжимается, на ладони непрочитанная записка.

«Не ходи в Сенат, Цезарь».

Мальчишки играют в тени здания.

Строят пирамиды из камешков.

Он учит иврит, они учат латынь.

Впереди целая жизнь.

И ужин.

Мамы позовут.

Мальчишки играют...

Глава 4. Спартак

Они больше не кричали его имя.

Вообще ничего не кричали, угрюмо сидя возле костров и полируя мечи.

Десятки тысяч костров, десятки тысяч мечей.

Эта ночь была последней.

Римляне тоже жгли костры.

И полировали мечи.

Ловушка захлопнулась.

Часовых не выставляли.

Они встретятся завтра, лицом к лицу.

Из этого капкана только один выход...

Спартак смотрит в костер пустыми глазами.

Мысли то мечутся, будто безумные, то исчезают, оставив за собой лишь тоскливую пустоту.

Щемящую и горькую.

Все было predetermined.

Нет, им не не хватило времени, времени было навалом.

Наоборот, они в нем захлебнулись.

Утонули во времени, которое их пожрало, сорвало плащи надежд, вышвырнуло голыми под ночной ветер.

Ложь!!!

Их не убьют римляне Красса, нет!

Их уже вообще ничего не убьет.

Они давно мертвы.

Мертвы с того момента, как-только поняли.

Им не нужна Свобода!!!

Та Свобода, о которой они столько мечтали, которой клялись, которую ласкали, как женщину, в своих мечтах!

Рабам не нужна Свобода!!!

Рабы хотят стать Хозяевами.

Рабов.

Он понял это первым и врал им столько, сколько мог...

Шурх... Шурх...

Лезвие пробегает по точильному камню монотонно, искры вспарывают темноту ночи, вспыхивают крошечными звездами и гаснут.

Бесконечность монотонных движений, тысячи вспыхнувших и погасших звезд.

Единственный глаз Тита холодно, не мигая смотрит на серебристый металл лезвия.

Шурх..., Шурх...

Он всегда думает только об одном.

Как он убьет их всех.

И Спартака.

За свой глаз.

О-о-о, он помнит этот день!!

День, когда Рим потерял Консулов.

Центурион Тит Галлиен защищал Орла легиона.

Волна рабов хлынула, взломала их строй.

Дубины крушили легионеров, трезубцы вспарывали панцири, словно бумажные.

Бывшие гладиаторы куражились своими цирковыми фокусами, вспрыгивая на плечи первой шеренги, кувырком перебрасывая себя за строй и обрушиваясь с тыла.

Они стояли стеной, но стену били со всех сторон.

Они рубились отчаянно, а потом кто-то из рабов швырнул факел, потом еще один, вспыхнули солдатские плащи.

Спартак тенью слетел с коня, рванулся к Орлу!

Он бросился ему наперерез, но руку сзади перехватила чья-то кисть, и в глаз вонзилось лезвие кинжала.

Он все помнил, бой был нечестным!

Он все помнил, бой был нечестным!

Батиат так им и сказал: «Вы должны проиграть, я поставил на ту сторону!»

Они хлопали друг друга по плечам, прощаясь и лязгая доспехами, выходили один за другим на арену, под рев улюлюкающей толпы.

Он видел, как каждого из них проволокли обратно, вцепившись крючьями в мертвые тела.

В этот вечер он все решил.

Батиат был пьян, маленький лысый толстяк, вечно в грязной засаленной тунике.

Он пришел к ним вечером, швырнул мех с кислым вином и хохотал, потрясая набитым золотом кошельком.

Когда спустя час охранник пришел погасить факел, один

из них, метнувшись змеей, схватил его за щиколотку, а остальные рванули на себя, протянув руки сквозь решетку.

Они забрали ключи, разбили ему голову, задушили часовых и привратника и вырвались в ночь.

Свободными!!!

Они бежали в темноте, три десятка мужчин, обученных убивать.

Лил дождь, ноги скользили в грязи, но они были свободны, и сердце колотилось бешеным ритмом, отбивая – больше никогда!!!

Утро обрушилось хмурым солнцем, тускло подсвечивающим низко висящие облака.

До Везувия всего ничего, он уже вырос темной массой в тумане, уже видны уходящие вверх по поросшему деревьями склону тропинки пастухов.

Повозка. Торговец с дочерью, четверка охранников, возница.

Навалились толпой, захлестнули цепи вокруг шей, били наотмашь кандалами.

Головы разлетаются, словно тыквы, мечи выскальзывают из ослабших рук.

Торговцу вспарывают живот, словно брюхо рыбе, он бьется на острие меча, никак не желая умирать.

Девчонка пытается бежать, догоняют, волокут за волосы к телеге.

Рослый германец срывает одежду, швыряет лицом вниз

на телегу, одна рука по-прежнему сжимает намотанные на кулак волосы, другая стиснула грудь до синевы.

Насилуют сразу несколько человек, девчонка орет, захлебывается в крике, только распаляя гладиаторов.

Им давным-давно осточертели податливые шлюхи, изредка приводимые Батиатом, сопротивление жертвы, борьба, их только заводят.

Спартак ловит безумный, полный отчаяния и боли взгляд девушки.

Такие глаза вчера были у Ганимеда, ретиария.

Он был еще жив, когда рабы крючьями волокли его с арены и внутренности сизым клубком вываливались из раны в животе.

Шаг вперед.

Короткий меч, отобранный вчера у убитого охранника, пробегает по горлу, кровь волной хлещет на германцев, девчонка вздрагивает и застывает безвольной куклой.

Взгляды полные бешенства, сейчас взорвутся.

Рука срывает холщовый покров с телеги, открывая глазам груды панцирей, мечей и шлемов.

«Хватайте оружие!» – голос Спартака хриплый, он вырывает из кучи первый попавшийся щит и швыряет его Эномаю.

Тот машинально ловит, машинально взвешивает в руке.

Оружие успокаивает, они привыкли к нему, гладиаторы разбирают его, отходят в сторону, какие-то пару минут – и

они уже не толпа беглых рабов, но вооруженный отряд.

Мечи выбивают искры, летят в сторону расклепанные кандалы, кто-то уже выпряг лошадей.

Вперед, на вершину Везувия!

Сотни рабов.

Волна слухов пробежала по Капуе, взорвала ее.

На рынках, в судах, на кухнях и виллах только и разговоров.

Взбунтовались рабы.

История с повозкой обросла слухами, будто не четыре охранника, а две центурии разбиты, растерзаны, разорваны в клочья зубами и руками.

Тит Галлиен прекрасно помнит этот день.

Лезвие меча наливается злостью с каждым прикосновением точильного камня.

Шурх... Шурх...

Тит сам наливается злостью.

Глабр привел шесть когорт, они обложили Везувий, словно медвежью берлогу.

Дни тянулись, как бесконечная нить из клубка шерсти, поставленные в строй, в спешке набранные деревенщины шутили: «Они там с голода уже небось сожрали друг друга».

Глабр пил в шатре с утра до ночи, претор проклинал злую судьбу, загнавшую его в эту дыру ловить толпу рабов во главе толпы черни.

А потом ночь взорвалась.

Сотни факелов, Тит помнил, как они били в глаза, слепили, как выскакивали из палаток новобранцы, путаясь в одежде, и как ревели гладиаторы, стуча мечами о щиты!

Этот стук мечей о щиты он запомнит навсегда!!!

Они смели часовых, перемахнули через частокол лагеря и бросились убивать.

«Держать строй!!» – орал Тит, пытаясь загнать свой сброд хоть в какое-то подобие шеренги.

Клодий Глабр вырос за его спиной в одной тунике и мечом в руке, визжали свистки центурионов, но все было напрасно!

Гладиаторы резали мечущихся деревенщин, как перепуганных кур, германцы сбивали с ног ударами щитов и быстро вонзали в горло мечи.

Галлы, раскрасившие лица синими полосами, как водится у них, жуткие в отблесках огня, огромные и беспощадные.

Тит уволок Глабра силой, тот оцепенел и не мог идти сам.

Они бежали, бежали через никем не охраняемые главные ворота лагеря, а за их спиной раздавались крики умирающих солдат и торжествующих рабов.

Он так никогда и не сказал им правды.

Не сказал, когда был гладиатором.

Не сказал, когда они вырвались из рабства.

Не сказал, до самого конца.

Спартак.

Собачья кличка, раньше резала слух, потом привык.

Он был римским гражданином и сам служил под Орлами

до того, как потерял все.

И теперь, когда их уже тысячи, он делал так, как положено в Риме.

Армия.

Разбить на легионы, галлы у Крикса, германцы у Энома, все народы, до которых дотянулась железная рука Рима, здесь, у костров в бывшем лагере Глабра.

Теперь это их лагерь!

Нет, никогда тут не будет железной дисциплины, они готовы взбунтоваться по любому поводу.

Но свое место в строю каждый знает и готов занять.

Бывшие рабы делят женщин, овладевая ими на глазах у всех, кидают кости, те, чей жребий выпал, рубят окрестный лес.

Нужны тысячи копий, оружия отчаянно не хватает, и молоты кузнецов грохочут день и ночь.

«Вариний!!!»

Тит застонал, словно от зубной боли!!

Лезвие дрогнуло на точильном круге, обиженно взвизгнуло!

«Два легиона!!

Два полных легиона, и этот дурак разделил их, растопырил пальцы, словно слепой!»

Мерзавцы Спартака настигли их по одиночке, вчерашние рабы повиновались командирам лучше недоучек-новобранцев!

Он разбил Вариния по частям, и они бежали, снова бежали, бросив оружие и раненых, а за ними гнались рабы!

Рабы, гонящиеся за легионерами, Тит думал, что он сойдет с ума, глядя на жалкие остатки пехоты, уныло бредущие по чавкающей под ногами грязи!

«Консулы разбиты!!!!

Тит выл, выл волком, вспоминая этот день!!

Римские консулы разбиты и бегут, словно зайцы!!!»

Ему хотелось умереть в тот день!!

Он выжил.

Спартак лишил его глаза, он помнил, как он полз, пробираясь между грудями мертвых тел.

Рабы устроили праздник, пили и танцевали, полуголые девки, с залитой вином грудью, бродили по полю и добивали раненых.

Он и сам убил одного, стонавшего слишком громко.

Убил, чтобы выжить.

Крикс ушел.

Он ничем не смог ему помешать.

Они орали друг на друга в палатке, галла захлестнула волна самоуверенности.

Юг Италии лежал перед ними беззащитный, вчерашний раб пил власть, как безумец, купался в ней!

Теперь он мертв.

Консулы нагнали двадцать тысяч галлов и раздавили их, расплющили, словно орех в ладони.

Он разбил Консулов.

Три сотни патрициев дрались, как гладиаторы, жертва, погребальная жертва Криксу и его галлам.

Он сидел в кресле, вокруг стояли ликторы, и трофейные знаки консульской власти были у его ног.

Нужно было уходить.

Он так и сказал: «Давайте уходить».

Галлия ждала, Рим больше не мог огрызаться, нужно было просто идти.

«Куда? Куда?» – орали ему бывшие рабы, у которых теперь появились свои рабыни.

Патрицианки из ограбленных городов, с рабскими ошейниками, насилуемые каждый вечер у лагерных костров на глазах пленных мужей.

Они не хотят.

Эта мысль ударила его, словно молнией, когда он впервые ее осознал.

Рабы не хотят быть свободными, не хотят уйти в Галлию, раствориться там, просто жить!

Рабы хотят иметь своих рабов.

Ему хотелось уйти.

Завернуться в плащ, вывести коня за линию часовых и умчаться прочь, прочь, куда глядят глаза!

Прочь от Рима, прочь от тех, кого он уже не мог снова сделать людьми!

У его ног горели костры.

Сто тысяч человек.

Спартак не смог уйти.

Красс!!

Тит стоял в самом центре, впереди своей когорты и ликовал!

Бычья шея, мощные икры, обвитые ремешками сандалий, красный плащ легата едва не трещит на литых плечах!

Красс что-то орал, не разобрать что, и легионы орали в ответ, орали восторженно, они устали бежать.

И побежали.

Этот день Тит тоже запомнил.

Все так же стоял перед строем Красс.

Плащ трепетал на ветру, руки сжимают рукоять меча.

Толстые губы сжаты, не лицо – маска смерти.

И у Тита маска смерти.

У всех, у всех рядом эта маска, десятки тысяч масок смерти.

Децимация!!!

Жуткое слово, страшная казнь.

Они все тянули жребий, и Тит тянул, дрожали пальцы, и дрожало веко уцелевшего глаза.

Он стоял, а соседей слева и справа вывели из строя.

Сотни и сотни выходили из строя и становились тонкой цепочкой между Крассом и бесконечными шеренгами.

Виноватых выбирает жребий.

Дубинки разбивают головы, мертвые падают, и палачи ша-

гают к следующим.

Армия все поняла.

Армия боится Красса больше, чем Спартака.

Тит не боялся Красса.

Не боялся Спартака.

Он боялся не дожить.

Не дожидаться того момента, когда приблизит свой единственный глаз к его умирающим двум.

Все кончено.

Это поняли уже даже самые отчаянные, самые глупые, самые равнодушные и сломленные.

Он сделал все, что мог, но все кончено.

Ветер рвет плащ, он стоит на холме и смотрит, как уходит флот.

Последние месяцы он лихорадочно искал выход.

Рабы не хотели уходить из Италии, не понимая, что Рим просто не принимал их всерьез.

Теперь принял.

Поняли.

Письма к Митридату, письма к Серторию, десятки писем!

Гонцы уносились прочь и не возвращались.

Пираты взяли деньги.

Их вожак, бородатый, с одним ухом и шрамом через все лицо, хохотал, обнимая его за плечи.

«Конечно, мы перевезем вас на Сицилию, приводи всех!»

Он привел, и теперь смотрел с холма, как пиратский флот,

медленно, будто издеваясь, разворачивался и уходил за горизонт.

Они все смотрели, семьдесят тысяч человек, мужчины и женщины молча стояли на берегу и смотрели, как уплывает последняя надежда.

Уже не на свободу.

На жизнь.

«Надо было идти в Галлию, Спартак», – сказал Ганник, который громче всех орал «нет».

Он ничего не ответил.

Красс отрезал все пути, ловушка захлопнулась.

Из Испании плыл с войсками Помпей, Рим стряхнул с себя оцепенение.

Солнце взошло.

Трубы взревели, легаты помчались вдоль когорт, железными квадратами замкнувшими поле.

Тит стоит прямо возле Красса, доспехи надраены, фалеры надеты все до одной.

Пустая глазница не прикрыта повязкой и зияет на лице жутким провалом.

Рабы спускаются с холма.

Нечего ждать, нечего уже терять, какая уже разница.

Тит видит Спартака, видит, как-то несется вдоль своих рядов, что-то кричит своим.

Спрыгивает с седла, вонзает меч в шею коню, тот бьется в судорогах, заваливаясь на бок.

«Никто не побежит!» – Тит не слышит, что кричит Спартак, но знает, знает, что он кричит, беззвучно шевеля повторяющими эти же слова губами.

Отсюда только один выход, и Красс приказал Титу убить любого, кто попытается бежать.

Даже если это будет сам Марк Красс.

Римская пехота идет вперед.

Мерный шаг, никаких криков, никаких ударов по щитам.

Безумное безмолвие, шаг за шагом, метр за метром.

Вперед!

Сошлись.

Тит не смотрит по сторонам, не смотрит назад, взгляд устремлен в одну точку.

Он видит, как Спартак рубится в первой шеренге, видит, как падают легионеры, видит, как гладиаторы прикрывают его щитами.

Солнце палит.

Взошло, жжет огнем, доспехи горят на плечах.

Красс стоит, словно каменный, замерев.

Резко рвут лязг оружия свистки центурионов, когорты резерва шагают вперед, прижимают строй, уплотняют его до слитной массы панцирей и мечей.

Дрогнули!

Рабы дрогнули, откатываются назад, подаются под стальным натиском, падают под ударами коротких мечей.

Вот!!!

Тит подается вперед, он видит, как Спартак машет кому-то рукой, взлетает на подведенного коня!

Летит вдоль строя, вырывается сквозь разрыв в когортах и мчит прямо на него!

Конница рабов мчит за ним, мчит прямо на них, волной вливаясь между плотных коробок пехоты.

Лязг за спиной.

Тит оборачивается.

Красс обнажил меч, стоит, по бычьей склонив голову, меч кажется игрушечным в огромных ручищах.

Удар, конница налетает, легионеры разлетаются, словно кегли.

Спартак рубит с седла, метр за метром приближаясь к Крассу.

Падает знаменосец, второй подхватывает Орла и тут же падает с разрубленной головой.

До Красса подать рукой, больше нет никого, и Спартак орет во всю мощь легких, бросая коня вперед!

Тит делает шаг навстречу, упругий шаг, он так мечтал, бесконечно долго мечтал его сделать!

Подбрасывает дротик на ладони, словно примеряясь, и разогнувшейся пружиной швыряет его в Спартака.

Пробитое бедро, дротик дрожит, пришивив ногу к вставшему на дыбы коню!

Тит бросается вперед, проскальзывает между бьющих воздух копыт и вонзает меч в грудь коня, бьет с размаху ку-

лаком по морде, сбивает с ног.

Спартак пытается выбраться, придавленный его телом, мешает пробитое бедро.

Тит бьет наотмашь, удар, еще один, искры сыпятся в стороны, обжигая лицо.

Они оба молчат, слышен только звон мечей и дыхание, сквозь сжатые зубы.

Последний удар выбивает меч, Спартак вскидывает руку, и Тит сносит кисть, улетающую в сторону.

Бьет фонтан рубиновых брызг, Спартак отчаянно дергается, вырывая ногу из-под убитого коня, вскакивает, прижимая к груди обрубок руки.

Тит Галлиен делает шаг вперед.

Секунду смотрит в глаза.

Единственным глазом смотрит, глаз полыхает огнем.

Еще полшага, обнимает за плечи, почти нежно, словно старого друга, и нажимает на рукоять меча.

Бой гремит, римская пехота ревет, рубя бегущих рабов, сломался безупречный строй когорт, легионеры рубят на бегу.

Тит и Спартак молчат.

Замерли, глядя друг другу в глаза, Тит нажимает на рукоять, Спартак подается вперед, обнимая его за шею уцелевшей рукой.

Глаза стекленеют.

Тит вырывает меч из груди Спартака и наконец-то кри-

чит!!!

Кричит, взлетает меч, отлетает в сторону отрубленная голова, он рубит его в куски, словно мясник на рынке.

Рубит до тех пор, пока ставшие свинцовыми руки не роняют меч.

Тит разворачивается и натывается на каменное лицо Красса.

Красс молчит.

Тит молчит.

Красс молча бросает ему платок.

Тех немногих, кто смог удрать, перехватывает Помпей.

Шесть тысяч крестов вдоль Аппиевой дороги в Рим.

Шесть тысяч распятых рабов.

Красс крушит все в своей палатке, ненавистный Помпей пытается украсть его победу!!!

Тит Галлиен сверкает наградными фалерами на панцире.

На груди завязан в узел платок, с давно высохшей кровью.

Единственный глаз весело и зло сверкает из-под шлема.

Легионеры идут походной колонной.

Домой.

Глава 5. Марк Лициний Красс

Песок был везде.

Проклятый песок.

Проклятый и про́клятый.

На губах, на щетине, под шейным платком и пластинами панциря.

Скрипел в ножнах, шлифуя зазубренную кромку меча.

Шуршал под ногами, вился в воздухе, вздымаемый ветром.

Песок...

Небо снова потемнело...

Он нырнул под край щита, инстинктивно зажмурил глаза.

Глубокий вдох тысяч ртов, и тишина.

Абсолютная, ни звука, словно вечность обняла всех в этой проклятой пустыне, обволокла, закрыла от всего мира.

Удар.

Тяжелый удар, слившийся в одно целое дробот тысяч стрел.

Хрип.

Квинту пробило горло, воет, оскалив зубы, Тит, ломая пришившую к щиту руку стрелу.

Стрелы.

Тысячи тысяч стрел.

Они везде, торчат из щитов иглами гигантских ежей, усе-

или все под ногами, вонзились, вырвали из строя легионеров
и бросили их на землю мертвыми куклами.

В песок.

Они уже давно перестали считать залпы.

Нет смысла, парфяне давно должны были опустошить
колчаны по многу раз.

Темнеет небо.

Залп.

Хрип.

Красс смотрит перед собой пустыми глазами.

Лязг.

Когорта за спиной сомкнула ряды.

Они умирают вторые сутки подряд.

Залп.

Лязг.

Сомкнуть ряды.

Десять шагов назад.

Залп.

Лязг.

Сомкнуть.

Прижаться плечом, держать щиты, скалиться в бессиль-
ной злобе.

Вчера погиб сын.

Публий Красс, мальчишка, мужчина.

Парфяне хлынули волной, и Публий рванул.

Две тысячи галльских конников, подарок Цезаря.

Удар, удар, клин разрывает парфянскую цепь, враг бежит,
и когорты за спиной ревут, шагая вперед и стуча мечами по
щитам.

Марево, хлещет в глаза песок, конница уносится прочь за
горизонт, своя, чужая.

Марево, пустота.

Когорты стоят, ветер сечет загоревшие лица и щурятся,
всматриваясь, глаза.

Показались!!

Один, два, цепочка выныривает из-за холмов, медленным
шагом движется навстречу.

Не разглядеть!!

Парфяне!!!!

Стук поднимаемых щитов, топот упершихся в песок ног.
Вперед выезжает один, в руке пика.

Покачивается, гнется копье под тяжестью головы.

Конница Публия не вернется на фланг.

И сам Публий не вернется.

С сухой дробью кровь бьет в песок из отрубленной головы,
и в никуда смотрят мертвые глаза.

Красс кричит.

Легионы вздрагивают, страшно кричит Марк Красс.

Темнеет небо.

Залп.

Проходят часы.

Он идет мимо шеренг, хлопает по плечам, бьет кулаком

в грудь.

Будьте прокляты эти Карры, но он с ними, Публий мертв, но они все ему как дети, он выведет их отсюда!

Вторые сутки.

Гонец парфян машет платком.

«В седло!» – бросает резко, красный от гнева и безнадёжного позора.

Не смотрит на своих.

Это он привел их сюда, он, проконсул Сирии Марк Лициний Красс, привел их сюда под Карры.

Он не послушал, он гнался за сокровищами храмов и парфянских городов.

Он выбрал короткий путь, легкий путь, как ему казалось.

Центурионы подводят коня – едем!

Весь позор его!

Он не вернется, бросится на меч, но выведет их отсюда.

В Риме поймут, поймут, что должен был вывести.

Красс протягивает руку к парфянскому принцу.

Сурена улыбается, скалится железная маска на лице.

Сзади крик.

Петроний падает с коня, из груди торчит копье.

Красс закрывает глаза.

Они бегут.

Он, совсем мальчишка еще, отец, брат.

Говорят, он ненавидел Спартака?

Смешно.

За всю свою жизнь он ненавидел всего двух людей.

Гая Мария, убившего отца и брата.

И Гнея Помпея Великого.

За то и ненавидел, что другие любили.

Испанская пещера.

Ловят, как зверя, травят.

Рыбаки несут еду и хворост, Испания всегда была добра к их семье, и они были добры к Испании.

Надо ждать.

Марий мертв!

Пять когорт!

Красс ведет к Сулле пять когорт, и ненависть гонит его вперед!

Он пойдет до конца, они все умрут, за отца, за брата, за голодные дни и холодны ночи.

Сулла разбит у ворот Рима, Коллинских ворот, фланг Красса давит, и враг бежит.

Пощады не давать, пленных не брать!!

Тех, что возьмут, перебыют завтра вечером на Марсовом поле, им не нужны пленные.

Проскрипции.

Закон для тех, кого нет в списках, которое рвет ветер на колоннах Форума.

Есть в списках – забудь про закон, прячься, беги, бросайся на меч.

Бойся своих же рабов и своих же друзей, бойся родных.

Бойся Катилины и бойся Красса!

Марк Красс, богат, богат сказочно.

Его жадность взбесила Суллу, отойти в тень, переждать...
Годы.

Враг у ворот.

Восставшие рабы, Спартак.

Они разбили преторов, разбили консулов, Италия наводнена шайками беглых рабов, спешащих к их армии.

Сто тысяч гладиаторов, убийц, под командованием убийцы.

Богат тот, кто может содержать легион за свой счет.

Марк Красс презрительно усмехается – и сенаторы опускают глаза.

Он не заставит их унижаться, умоляя себя.

Они просят, и он поведет легионы на Спартака.

Легионы бегут.

Бегут, бросая оружие, режут центурионы и визжат, обезумевшие от страха солдаты.

Децимация.

Сотни лет не звучало это слово.

Красс стоит, заложив руки за спину и расставив широко крепкие ноги.

Хлопает на ветру плащ, кровавый цвет, кровавые потеки на доспехах.

Когорты стоят, стоят, потупив взгляд.

Тянется жребий – и каждый десятый умрет, даже если

стойко стоял в бою.

Дрогнули войска, легионы боятся Красса больше, чем любого Спартака, всех спартаков в мире с их гладиаторами и рабами.

Спартак мертв.

Крикс мертв, Эномай мертв, мертв Граник, вся их сволочь мертва.

Но Триумфа не будет.

Это ведь жалкие рабы, сенаторы опомнились, и Красс рычит в бессильном бешенстве.

Помпей, спешно вернувшийся Помпей добивает остатки, и уставлена Аппиева дорога тысячами крестов.

Умирают рабы, воет в бессильной злобе Красс, сияет улыбкой Помпей.

Доволен Сенат, разделяй и властвуй, это не только для чужих, это и для своих.

Годы.

Горящие здания Рима, пожарные команды, покупки за бесценок.

Его вызвали в суд, обвинив в связи в весталкой.

Наказание – смерть.

«Я хотел купить у нее участок, потому и обхаживал», – разводит ручищами Красс.

Хохочет Рим, не сомневается никто.

«Так что насчет участка?» – бормочет Красс в спину уходящей весталке...

Консульство.

Цезарь, глаза, лед и пламя.

Консульство с Помпеем.

Триумвират.

Они привыкли ненавидеть друг друга, даже шутят об этом, смешно.

У Помпея есть Триумф, не один.

Над каждой частью Известного Мира.

Азия, Африка, Европа.

У Красса нет.

Он берет себе провинцию, Сирию.

Парфия ждет, ждет Триумф.

Когда войска выходили из Города, Народный Трибун его проклял.

Остановить было нельзя, он шел к своей судьбе.

Красс запахнулся в плащ и тронул коня, проезжая мимо Трибуна.

Песок.

Проклятый песок.

Красс распахнул плащ и тронул коня, навстречу Сурене.

Сверкнул меч.

Красс улыбается...

Глава 6. Марк Антоний

Что делает человека счастливым?

Деньги, почести, власть?

Нет.

Радовать могут.

Давать возможности могут.

А счастливым не делают.

Счастливым делает возможность быть собой.

Он всегда хотел быть собой.

И очень любил жизнь.

Нет, не так.

Он Очень любил жизнь.

Жалел ли он о чем-то тогда, 1 августа 30 года до н. э.?

Вряд ли.

Ведь он был собой.

Просто дальше нельзя было быть.

Клочок пергамента, короткая строчка букв, скомканный и скрутившийся краями, будто от обиды.

Чадящее масло в лампаде.

Чуть сладкое, он иногда выныривал из этого марева и замечал, что запах слишком сладкий.

Раздраженно хмурился и через секунду забывал напрочь.

Он все забывал напрочь через секунду, в этом беда и в этом его счастье.

Ладонь гладит рукоять меча.

Так интересно, царства, миры, города.

Сотни тысяч солдат, бьющих дороги подошвами в марше-
вом шаге.

Значки когорт, легионные Орлы.

Дворцы, колесницы, толпа!!!

Лепестки роз под ногами и в воздухе.

Сладкий запах роз.

А потом будто мираж развеялся.

Ничего.

Вообще ничего.

Скукожившийся клочок пергамента, лампада.

И холодное полированное железо рукояти.

«Почему мечи всегда холодные?» – проносится мысль.

Криво усмехается сам себе.

Вот уж точно не время для философии.

«А когда было время?» – мелькает мысль.

И снова кривая усмешка.

Он очень любил жизнь.

Вы знаете, что такое жизнь римской улицы?

Грязной, кривой, где на голову выплеснут помои, если за-
зеваешься.

Отшатнешься от них, провалишься плечом в пустоту
дверного проема, ввалишься в полутемный зал таверны.

Грубые лавки и столы, выщербленные глиняные кружки.

Плебс, самый гнусный и самый прекрасный в мире.

Ты пьешь с ними, поишь всех и знать не знает никто, день или ночь, стоит ли еще Рим на своих холмах или боги испепелили его молниями.

Вываливаешься на улицу в обнимку с толпой, рука на чьем-то плече, тога залита вином.

В другой руке кувшин, и ты поднимаешь его над головой, и жадно ловишь рубиновые капли губами.

Вино течет по шее, красное, словно кровь, ты хохочешь, и хохочет толпа вокруг.

Чьи-то руки надевают на голову венок из придорожных цветов, ты пьян и счастлив.

Ты не знаешь никого из них, но любишь их всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.